

ПЕДАГОГИКА

Кузьмина С. А.

**Философско-педагогические
идеи профессора
Кievskoy духовной академии
Николая Маккавейского¹**

Вся творческая жизнь Николая Корнильевича Маккавейского — богослова, педагога, философа, историка — прошла в Киевской духовной академии. Родился он в 1864 г. в Чернигове, в семье псаломщика кафедрального собора, начальное и среднее образование (духовное училище и духовная семинария) получил в родном городе. В 1885–1889 гг. Н. Маккавейский — студент Киевской духовной академии, в которой по окончании курса его избирают лектором английского языка. На этой должности он работает до 1893 г. Вместе с тем, в 1890 г. Н. Маккавейский публикует работу «Археология истории страданий Господа Иисуса Христа», за которую ему присвоили научную степень магистра богословия. В 1891 г. Н. Маккавейского назначают на кафедру пастырского богословия и педагогики, с 1903 г. он — экстраординарный профессор этой кафедры. Преподавание в Киевской духовной академии ученый совмещал с работой в других учебных заведениях: в 1900–1908 гг. он вел уроки по истории педагогики в Фундуклеевской и Киево-Подольской женских гимназиях, в 1908–1912 гг. читал лекции по педагогике в Киевском Фрёбелевском женском педагогическом институте. Н. Маккавейский был членом нескольких общественных организаций — Киевского педагогического общества взаимной помощи, Киевского религиозно-просветительского общества, Киевского научно-философского общества. В 1918 г. профессор короткое время исполнял обязанности ректора Киевской духовной академии, а в страшном 1919 г. на 55-м году жизни умер от тифа.

---

¹ Доклад на II Международной научно-практической конференции «Духовное и светское образование: история взаимоотношений — современность — перспективы» (18–19 октября 2010 года, Киевская духовная академия).

В современной историко-педагогической литературе имя Н. Маккавейского упоминается в работах Н. Гупана², А. Черкасова³, Е. Плеханова⁴. И если Е. Плеханов ограничивается короткой справкой о круге научно-педагогических интересов мыслителя, то Н. Гупан и А. Черкасов, дают анализ его отдельных работ в общем обзоре процесса развития историко-педагогической науки в Украине второй половины XIX — начала XX вв. К сожалению, украинские историки педагогики, продолжая оценивать творчество Н. Маккавейского по устаревшим советским меркам, зачисляют его в ряды представителей «официальной педагогики», единственной целью которой было обслуживать интересы господствующих классов и государства. Однако, если попытаться рассмотреть педагогическое наследие профессора Киевской духовной академии, руководствуясь принципом научной объективности, то такие оценки покажутся сомнительными.

Какие же идеи отстаивал Н. Маккавейский, что волновало его как педагога — теоретика и практика? Если попытаться определить это кратко, то можно выделить три основных концентра его научных интересов: педагогическое образование в духовных академиях; принципы образовательной политики; христианизация русской школы.

Педагогическое образование в духовных академиях

Профессиональное становление Н. Маккавейского как преподавателя начиналось в условиях, когда в российских духовных академиях действовал устав 1884 г. Как и предыдущие, этот устав одной из задач высшей духовной школы определял подготовку педагогических кадров для системы духовного образования. В соответствии с ним педагогика была закреплена за кафедрой пастырского богословия и входила в состав обязательных предметов, по которым сдавали экзамен. Устав духовных академий 1884 г. резко критиковали за перегруженность учебного плана. Это отражалось на качестве педагогической подготовки: выпускников духовных академий хвалили за энциклопедичность знаний и высокую интеллектуальную культуру, но когда дело доходило до преподавания в школьном классе, когда требовалось не только читать лекции, но и уметь учить и воспитывать, они оказывались беспомощными. Серьезные изменения в жизнь духовной школы принесли революционные события 1905 г.: студенческие волнения и недовольство профессуры вынудили власти начать процесс обсуждения нового устава. Это обсуждение проходило несколько месяцев. В Киевской духовной

² Гупан Н. М. Українська історіографія історії педагогіки. К., 2002. 224 с.

³ Черкасов О. В. Формування теоретико-концептуальних основ дослідження історії освіти в Україні у другій половині XIX — початку ХХ століття: джерелознавчий аспект. К., 2006. 136 с.

⁴ Плеханов Е. А. Педагогика в духовных академиях России // Педагогика. 2003. № 6. С. 81–87.

академии был разработан проект, который предлагал превратить духовные академии в высшие школы как центры богословской науки и высшего богословского образования. В ходе дискуссий об изменениях устава духовных академий высказал свои предложения и Н. Маккавейский⁵. Для основательного, академического изучения этой дисциплины, замечает он, двух лекций в неделю (как это было установлено уставом 1884 г.) недостаточно. Что можно прочесть студентам за это время по педагогике, которая представляет собой не одну науку, а разветвленную систему наук? Заботясь об улучшении качества работы духовной школы, полагает Н. Маккавейский, следует обеспечить не просто педагогическую подготовку ее преподавателей, а дать им полноценное педагогическое образование. Для этого необходимо открыть в духовных академиях особыю кафедру педагогики, ввести преподавание специальных педагогических дисциплин (историю педагогики, общую педагогику, дидактику, методику преподавания) и педагогическую практику. Чтобы будущий преподаватель легче ориентировался в сфере педагогики, подчеркивает Н. Маккавейский, ему необходимо всесторонне изучить человеческое существо, законы и условия его развития, средства, которые способствуют выявлению лучших качеств индивидуальности, гармоничному единению их в целостной христианской личности. Вместе с тем, считает он, преподавание педагогических дисциплин должно быть органично связано с другими дисциплинами духовно-академического курса. Прежде всего, это касается нравственного богословия, поскольку педагогическая деятельность невозможна без ясного осознания своего идеала и цели. При этом, подчеркивает ученый, следует понимать, что не каждая этическая система может направить воспитание на истинный путь, а только та, которая устанавливает окончательную и непоколебимую основу нравственности — закон, освященный Всевышним. Однако среди разнообразия религий только христианство имеет «чистую идею человечности», «идею человеческой личности, носящую величайшую цену в самой себе»⁶. Благодаря этому многие народы находят в христианстве идеал и цель воспитания, а педагогика приобретает прочный этический фундамент. Еще одной дисциплиной, которая имеет, по мнению Н. Маккавейского, большое значение в педагогическом образовании, является история философии. Ее функция состоит в том, чтобы предупредить опасность религиозно-педагогического фанатизма, развить способ-

⁵[Особое мнение экстраорд. профессора Н. Маккавейского] // Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1905–1906 уч. г. // Труды Киевской духовной академии (далее — ТКДА). 1906. № 8–9. С. 275–286; Его же. Кафедра педагогики в духовных академиях (К вопросу о педагогической подготовке к учебно-воспитательному делу в духовной школе) // Церковный вестник. 1906. № 8. С. 235–239.

⁶См.: Маккавейский Н. К. Религия и народность как основы воспитания. Речь, произнесенная на торжественном акте Киевской духовной академии 26 сентября 1895 г. К., 1895. С. 5–12.

ность самостоятельного и критического мышления. Научиться мыслить по-философски, убежден ученый, будущему педагогу насущно необходимо, поскольку «чисто теоретическое или философски-принципиальное освещение практической области воспитательного дела весьма важно: именно оно вносит свет в это дело и прокладывает последнему лучшие пути»⁷.

Эти идеи Н. Маккавейского разделяли многие его коллеги. Уставом 1910 г. в российских духовных академиях была учреждена отдельная кафедра педагогики, профессор которой должен был читать три дисциплины: педагогику, дидактику и методику преподавания в духовных учебных заведениях. И хоть составители этого устава проигнорировали все предложения придать духовно-академическому образованию универсальный богословский характер, сделать его достоянием всего общества, средством развития науки и христианизации культуры, для развития педагогики как науки он создавал благоприятные институциональные условия.

Принципы образовательной политики

Свою концепцию образовательной политики государства Н. Маккавейский строил, исходя из особенностей истории отечественного образования. Как известно, в течение XIX в. российскую школу несколько раз реформировали. Однако, как заметил русский историк педагогики Петр Каптерев, никакого единого плана, никакой последовательности, определенных руководящих принципов, идей, традиций в этих реформах не было⁸. В начале XX в. особое неудовлетворение вызывало классическое образование⁹, введенное в гимназиях и высших учебных заведениях в 1874 и 1884 годах. В конце 1890-х гг. прессу буквально переполняли выступления против зубрежки мертвых языков и схоластических упражнений по переводам древних авторов. В Министерстве народного просвещения создали компетентную комиссию. Занявшись определением и обоснованием направлений реформ, она издала многотомный труд с результатами обсуждений и рекомендациями специалистов. Но после назначения министром народного просвещения генерала П. Ванновского (в 1901 г.) деятельность этой комиссии была прекращена, а в средней школе срочно внедрена модель так называемого реального образова-

⁷ Див.: Маккавейский Н. К. Педагогические воззрения гр. А. Н. Толстого. Из чтений, предложенных в собрании Киевского религиозно-просветительского об-ва 17 марта 1902 г. К., 1902. С. 4.

⁸ Каптерев П. Ф. История русской педагогии. Изд. 2-е, испр. и перераб. СПб., 1915. С. 542–543.

⁹ Концепция классического образования начала складываться в эпоху Возрождения, когда европейцы заново открыли для себя культурное наследие античности. В основу классического образования положено изучение классических древних языков (древнегреческий, латынь), античной литературы и истории как идеальных образцов мышления и нравственности, высших воплощений человеческого духа.

ния¹⁰, причем с единственным для всех учебным планом. Конечно, у классической гимназии были свои сторонники, и один из них, известный педагог С. Рачинский, издал брошюру под названием «*Absit omen!*» (Да не будет!) с резкой критикой реальной школы. На эту публикацию С. Рачинского отозвался рецензией «Современные педагогические блуждания» Н. Маккавейский. Интересно, что он, не принимая чью-либо сторону, обращает внимание не на достоинства или недостатки классического и реального образования, а на то, что осуществленная реформа не может дать положительных результатов вследствие отсутствия у реформаторов целостной и четко определенной концепции школы. «В настоящий момент наша школьная педагогия, — заявляет Н. Маккавейский, — находится как бы на распутье. Она не нашла еще тех ясных, не подлежащих сомнению оснований, которые заставили бы ее с полной уверенностью, твердо и бесповоротно вступить на один определенный путь. *Мы блуждаем...*»¹¹. Вот такой был своеобразный адепт «официальной педагогики»!

Думаем, к мнению Н. Маккавейского о принципах реформы образования стоило прислушаться хотя бы потому, что больше двадцати лет он работал над педагогическими проблемами, пытаясь не просто просчитать доводы здравого смысла, а постичь саму сущность такого явления культуры, как школа. Можно было бы ожидать, что Н. Маккавейский предложит очередную умозрительную, далекую от жизни теоретическую схему. Но он избежал этой ловушки, избрав тот самый ход, на продуктивность которого для философского идеализма указывал, в частности, профессор Киевской духовной академии Памфил Юркевич. Идея, «идеальные связи, идеальный строй», учил он, входят в систему мира. Поэтому возможно выявлять идею или сущность явления, анализируя научные факты, исторический опыт¹². Вероятно, неслучайно в наследии Н. Маккавейского нет ни одной теоретической работы по педагогике, а в учебных программах этой дисциплины самый большой раздел посвящен истории воспитания и педагогической мысли. Если же попробовать определить, по выражению Н. Маккавейского, «жизненный нерв» его специальных историко-педагогических исследований, то выяснится, что он был связан с проблемой школы.

¹⁰ Концепция реального образования была предложена выдающимся английским философом и социологом XIX в. Гербертом Спенсером. Она основывается на идее, что школа должна давать реальные, полезные для жизни знания, воспитывая тем самым достойного гражданина и полезного члена общества. В учебный план реальной школы включаются дисциплины практической направленности: естественные науки, математика, право, родной и иностранные языки.

¹¹ Маккавейский Н. К. Современные педагогические блуждания (по поводу издания С. А. Рачинского «*Absit Omen!*», СПб., 1901) // ТКДА. 1901. № 12. С. 609

¹² Юркевич П. Д. Идея // Философские произведения [Сост. и подг. текста А. И. Абрамова, И. В. Борисовой; вступ. ст. и примеч. А. И. Абрамова; журн. «Вопросы философии» и др.]. М., 1990. С. 21.

Показателен выбор периодов и персонажей историко-педагогических исследований ученого. Почему именно древние евреи¹³, святые отцы первых веков христианства¹⁴, Вольфганг Ратке¹⁵, Ян Амос Коменский¹⁶, Джон Локк¹⁷, Екатерина Великая и Иван Бецкой¹⁸, Герберт Спенсер¹⁹, Лев Толстой²⁰, Константин Ушинский²¹ привлекли его внимание? Изучая такой разнообразный исторический материал, мыслитель стремится, прежде всего, раскрыть этические идеалы, на основе которых определенное историческое общество создает свою систему образования. В частности, он замечает, что появление и реформы школы, как правило, связаны с духовными кризисами. Так, у древних евреев ее возникновение обусловила не абстрактная потребность передачи знаний, а новый идеал человека — «идеал законнической праведности», сформировавшийся в результате осмыслиения причин Вавилонского плена. В труде «Педагогика древних отцов и учителей Церкви» Н. Маккавейский выясняет, как святые отцы при фактическом отсутствии в первых столетиях после Рождества Христова христианских учебных заведений, в условиях острого религиозного противостояния рассматривали совместимость греко-римского языческого образования с христианскими идеалами воспитания. Судьба В. Ратке как реформатора дидактики интересует Н. Маккавейского не только сама по себе, а опять-таки в ситуации духовной нестабильности эпохи Реформации. Отчасти по этой же причине внимание Н. Маккавейского привлекают личности Я. А. Коменского, пережившего ужасы Тридцатилетней войны, а также Дж. Локка, философа и политического деятеля времен английской буржуазной революции. Появление идеи реального образования и реальной школы Г. Спенсера Н. Маккавейский тоже объясняет «соответствующими историческими причинами»: духовным упадком западного, в частности

¹³ Маккавейский Н. К. Воспитание у древних евреев. Историко-педагогический этюд. К., 1903. 109 с.; Его же: Древнееврейская школа // ТКДА. 1903. № 9. С. 3–48.

¹⁴ Маккавейский Н. К. Задачи христианского воспитания по древнеотеческому учению // Церковные известия. 1897. № 50; Его же: Педагогика древних отцов и учителей Церкви: несколько мыслей о воспитании из древнеотеческих творений. К., 1897. 81 с.

¹⁵ Маккавейский Н. К. Вольфганг Ратке как основатель дидактики // ТКДА. 1893. № 11. С. 405–432.

¹⁶ Маккавейский Н. К. Коменский, Ян Амос // Православная богословская энциклопедия / Под ред. А. П. Лопухина и Н. Н. Глубоковского. СПб., 1911. Т. XII. Кол. 439–448.

¹⁷ Маккавейский Н. К. Педагогика Джона Локка // ТКДА. 1895. № 5. С. 134–158.

¹⁸ Маккавейский Н. К. Педагогические мечты Екатерины Великой и Бецкого // ТКДА. 1904. № 5. С. 124–172. К., 1904. 49 с.

¹⁹ Маккавейский Н. К. Проблема воспитания по Спенсеру // ТКДА. 1906. № 7–8. С. 610–640. № 12. С. 461–494. 1908. № 6. С. 256. 280. 1909. № 10. С. 270–311. № 12. С. 593–635.

²⁰ Маккавейский Н. К. Педагогические взгляды гр. А. Н. Толстого. Из чтений, предложенных в собрании Киевского религиозно-просветительского об-ва 17 марта 1902 г. К., 1902. 63 с.

²¹ Маккавейский Н. К. К. Д. Ушинский и его педагогические идеи // ТКДА. 1896. № 1. С. 113–144; № 3. С. 377–412; № 12. С. 439–469. Отдельный оттиск: К., 1896. 98 с.

английского, общества XIX в., утверждением утилитарного этического идеала «разумного эгоизма» и «полной жизни».

Особое внимание Н. Маккавейского к педагогическому утилитаризму Г. Спенсера мотивировал не только научный интерес. Для этого были и другие веские основания. Доктрина английского философа служила фундаментом концепций реального образования, которые, по словам Н. Маккавейского, преобладающее большинство как-то по-варварски лоббировало в «бранным, поверхностном, шаблонно-обвинительном крике», демонизируя образ классической школы²². Однако почти всеобщее сочувствие реальной школе беспокоит Н. Маккавейского не само по себе. В нём мыслитель усматривает всего лишь чад и дым, поднимающиеся от настоящего адского огня — духовного кризиса русского общества, который выразился также и в педагогическом нигилизме Л. Толстого. Увлечение же антропоцентризмом этих двух мыслителей привело к утрате молодым поколением внутреннего творческого потенциала, жизненной силы. «Они лишены не которых-нибудь даров... — восклицает киевский профессор вместе с В. Розановым. — Именно ядра в них нет, из которого растет всякий дар, всякий порыв, все энергичное в действии и твердое в сопротивлении»²³. Почему? Потому, отвечает Н. Маккавейский, что воспитание в наше время не имеет надежных нравственных оснований. Потому, что современное человечество, реализуя в школе надуманно-фальшивые этические идеалы, уподобляется Парацельсу, который мечтал о создании искусственного человека-подобного существа — homunculus'a²⁴. Именно таковы проекты школы Г. Спенсера и Л. Толстого: в них извращаются здравые понятия о свободе, о благе ребенка, о действительно актуальных задачах школы.

В каких же идеалах усматривает Н. Маккавейский те самые, соответствующие природе ребенка, «твёрдые основания» школы и образования? Обрести их, полагает мыслитель, возможно только в глубоком усвоении и проведении в жизнь евангельских истин, в «прогрессе веры»²⁵. Это подтверждает исторический опыт: до христианства «естественный человек» беспомощно блуждал в поисках «истинных норм жизни», а после явления Евангелия результатом усилий философов было и будет не открытие чего-то нового, а всего лишь прояснение и переосмысливание его духовно-этических ценностей²⁶. Российская мысль XIX в., полагает Н. Маккавейский, осуществила культурно-педагогическое осмысливание

²² Маккавейский Н. К. Современные педагогические блуждания. С. 591–593. Его же: Проблема воспитания по Спенсеру // ТКДА. 1906. № 7–8. С. 622.

²³ Маккавейский Н. К. Религия и народность как основы воспитания. С. 2.

²⁴ Там же. С. 3.

²⁵ Маккавейский Н. К. Педагогические воззрения гр. Л. Н. Толстого. С. 54.

²⁶ Там же. С. 34–39. Маккавейский Н. К. Религия и народность как основы воспитания. С. 4–12. Его же: К. Д. Ушинский и его педагогические идеи. С. 39–40.

идеалов христианства в трудах Н. Пирогова и К. Ушинского²⁷. Н. Пирогов своими пламенными «вопросами жизни» призвал не использовать христианские идеалы в образовании просто как ритуальные заклинания (что давно уже происходит на самом деле), а сделать их смыслом деятельности педагога. То есть, все подчинить цели воспитания способности к нравственной свободе — той самой «неминуемой и роковой» борьбе между добром и злом, которую хоть раз ведет человек в своей внутренней жизни. Тем более, что, подчеркивает Н. Маккавейский, человеческой душе присуща тяга ко злу, которую замечали еще античные мудрецы и всю силу которой изобразил апостол Павел в своем учении о законе греховном, живущем в человеке и противостоящем закону его разума²⁸. «Но, может статься, «закон греховный» — это результат вредных внешних влияний, а совершенная детская душа от рождения знает лишь правду, добро и красоту и просвещать ее началами христианства излишне?», — спрашивает Н. Маккавейский, намекая на философско-педагогические манифесты Л. Толстого. За ответом на этот вопрос он обращается к Библии и таким авторитетам, как Платон, Аристотель, Цицерон, Овидий, Сенека, блаженный Августин, И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, в конце концов — к самому Ж.-Ж. Руссо, даже у физиолога И. Мечникова находит наблюдения, отмечающие «дурные инстинкты детской души»²⁹. В то же время Н. Маккавейский понимает, что наличие «тяги ко злу» в душе ребенка, подтверждая природообразность нравственного, в смысле ограничивающего, воспитания, еще не доказывает возможности развития ребенка именно под христианскими идеалами без насилия над ним. Поэтому мыслитель доказывает, что следовать заповедям Евангелия для человека естественно: это отвечает потребностям его души. Современному читателю следует объяснить, что он имеет в виду не современное понимание психологии как опытно-экспериментальной науки, а традиционное ее понимание как науки философской, объектом которой является человеческая душа в целостности ее внутренней жизни. Н. Маккавейский убежден, что, поскольку человек — существо, сотворенное по образу Божию, в нем всегда будет оставаться неприступная для рационального познания и в то же время открытая для веры тайна личности³⁰. Потому, разгадывая загадку человека, объясняя движения его души, необходимо, как утверждал П. Юркевич, опираться на «метафизическое предположение сущности человека» (метафори-

²⁷ Маккавейский Н. К. Программа чтений по педагогике на 1904–1905 уч. г. [Рукопись] // Программы преподавания на 1904–1905 уч. г. Центральний державний історичний архів України, м. Київ. Ф. 711. Оп. 3. Спр. 2870. Л. 27.

²⁸ Маккавейский Н. К. Религия и народность как основы воспитания. С. 13–14.

²⁹ Маккавейский Н. К. Религия и народность как основы воспитания. С. 19; Его же. Педагогические воззрения гр. А. Н. Толстого. С. 39–48

³⁰ Маккавейский Н. К. Педагогические воззрения гр. А. Н. Толстого. С. 46.

чески — «сердца»), выведенное из христианской догматики³¹. Исходя из этой философской предпосылки, Н. Маккавейский представляет психолого-педагогическое оправдание христианского нравственно-педагогического идеала не просто как акт исследования, но и еще и как акт веры, интуитивного постижения духовных потребностей и сил детской природы. А если психологически подтверждается, что в человеческой личности заложены априорные задатки («зерна духа») этого идеала, то для «прорачивания» их педагогика может указать естественные средства. Сам мыслитель «зерно духа» видит в потребности ребенка в вере в Бога, в жажде бесконечного. «Душа человека по природе своей христианка», — поясняет он хрестоматийной фразой Тертуллиана характер этой потребности. А уже в кристалле христианской веры, по мысли Н. Маккавейского, фокусируются в единый огненный луч творческой личности эмпирически разнонаправленные другие духовные стремления человека — так называемые «сила знания», «сила деятельности», любовь к добру, истине, справедливости. Значит, те нормы жизни, которые проповедует Евангелие, являются естественными для человеческого духа законами. Поэтому в подчинении им и состоит благо, истинная свобода, а результатом развития в такой свободе становится нравственно-свободная, не искусственная, а настоящая человеческая личность³².

Правда, школа, построенная на этой довольно абстрактной смысловой конструкции, своей чистотой и прозрачностью тоже очень напоминала бы пробирку, в которой должен синтезироваться очередной homunculus. Ведь она была бы рассчитана на «ребенка вообще», вне культуры и истории. А между тем настоящие дети приходят в школу уже в определенной мере культурно сформированными. К тому же она, как социальный институт, кроме воспитания, должна еще осуществлять функцию передачи культуры, сохранения народного духа. Отсюда вопрос: как органично соединить в образовании христианские и национальные идеалы? А это, в свою очередь, требует определения того, в чем выражается национальный дух. Н. Маккавейский, несмотря на глубокое уважение к Ушинскому, не соглашается с его утверждением, что свое духовное своеобразие народ воплощает в языке и фольклоре. Киевский ученый склоняется к другому, в духе славянофильства, мнению. А именно, он полагает, что высшая, идеальная сторона коллективной народной личности, высшая санкция большинства особенностей народной жизни коренятся в религиозном мировоззрении. И «даже откровенные истины христианства, которые имеют универсальное, вселенское значение, — утверждает мыслитель, — проникая в плоть

³¹ Юркевич П. Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению слова Божия // Юркевич П. Д. Философские произведения. С. 91–102.

³² Маккавейский Н. К. Религия и народность как основы воспитания. С. 19–22.

и кровь народа, воспринимаются и усваиваются им сообразно с его силами и способностями»³³. Русский народ не составляет в этом отношении никакого исключения. Более того, всей его жизнью, разделяет Н. Маккавейский убеждения А. Хомякова, Вл. Соловьева, Н. Грота и др., руководят особенная жажда религиозной истины, православный нравственный идеал. Тем самым есть основания для естественного соединения христианства и духа народности в отечественной школе. Однако, в отличие от европейских, именно «национальный элемент» так и не нашел воплощения в ней по множеству причин, а главное, по причине духовного равнодушия и безучастности к своему народу русской интеллигенции. Но, провозглашает Н. Маккавейский, великий христианский народ имеет полное право получить такую школу, в которой мог бы развивать свои, особенные русские силы и способности³⁴. Это мнение не было просто данью официальной идеологии или традициям Киевской духовной академии. Со временем Н. Маккавейский, приобретя опыт работы в «действительной, живой, а не воображаемой школе», убедится, как сложно реализовать в ней умозрительные проекты³⁵. Впрочем, это не заставит его отказаться от главной идеи: направлениями реформы российского образования должны быть его «христианизация и национализация». Осознав это как свою цель, русская школа, надеется Н. Маккавейский, наконец-то начнет переходить от аморфно-хаотического состояния к определенным и разумным формам³⁶.

Казалось, Н. Маккавейский должен был бы защищать идею единой школы, которую, к сожалению, неизменно в солдафонском стиле внедряла в жизнь имперская администрация. Но он оказывается среди тех, кто отстаивает необходимость многообразия типов школ. Это, утверждает ученый, диктуют экономические соображения (школа, соединяющая под одной крышей все виды образования, «постройка» дорогая и громоздкая); «азбука психологии», которая говорит о разнообразии склонностей и дарований; «здравая педагогика», основанная на принципе природосообразности воспитания и обучения³⁷. Что, однако, не означает, будто бы Н. Маккавейский не понимает, насколько важно для единства государства единство образовательного пространства. Задумываясь об этом, он предлагает модель христианизации русской школы, в которой учебные заведения разных типов, несмотря на отличие

³³ Маккавейский Н. К. Религия и народность как основы воспитания. С. 24–35.

³⁴ Там же. С. 36–41.

³⁵ Маккавейский Н. К. К вопросу о религиозном воспитании в нашей средней школе // ТКДА. 1903. № 3. С. 406.

³⁶ Маккавейский Н. К. Современные педагогические блуждания. С. 587–609. Его же: К вопросу о религиозном воспитании в нашей средней школе. С. 405–406.

³⁷ Маккавейский Н. К. Современные педагогические блуждания. С. 587–588.

их задач, соединились бы в стройную систему воспитания и образования «человека и христианина российского»³⁸.

Христианизация русской школы

Существенно, что мыслитель, рассуждая о реформе общего образования начала 1900-х гг., которая внедряла программы реального обучения, старается указать способы христианизации той школы, которая уже существует. А главный ее недостаток — неспособность оказывать положительное влияние, воспитывать христианина. И составители реформы 1901 г., указывает Н. Маккавейский, придерживаясь сомнительного принципа «всего понемногу», не устранили этот недостаток. Более того, они не предусмотрели использование даже того воспитательного потенциала, который в действительности имеет концепция реального обучения³⁹. Между тем, Г. Спенсер совсем не игнорирует воспитательных задач реальной школы и даже пытается разрешить проблему гармонизации в школе знания и веры, нравственных убеждений и поступков с помощью науки. Но, по мнению Н. Маккавейского, монополия науки в образовании никак этому не поспособствует. Английский мыслитель полагает, что науки помогут учащимся овладеть не только необходимыми видами деятельности, но и сформировать религиозное мировоззрение. Но, отмечает Н. Маккавейский, следует отличать науку как таковую от школьных занятий. Научное исследование предполагают уверенность, что мир устроен разумно, следовательно, существует его Творец, в то время как школьное обучение — прежде всего усвоение, а порой и зазубривание разрозненных научных сведений, которые в этом не убеждают⁴⁰. Впрочем, если искусные учителя сумели превратить учение в интересный творческий поиск, все равно распространение в школе исключительно «духа науки», ориентированного на постоянную критику, тщательный анализ, скептическое отношение к уже известному, не будет соответствовать важному предназначению учебного заведения — воспитанию христианина. Потому что этот дух так часто вводил начинаящих в обман своей внешней противоречивостью духу веры. При таком психологическом условии религиозные предметы в школе будут выглядеть чем-то искусственным и чужеродным, что не устранит даже внедрение индуктивного метода, на который полагает особые надежды доброго христианина Г. Спенсер, поскольку он остается частно-научным методом, а не методом синтеза знания и веры. Н. Маккавейский видит выход в другом направлении. Как вытекает из его критических

³⁸ Маккавейский Н. К. Религия и народность как основы воспитания. С. 35.

³⁹ Маккавейский Н. К. К вопросу о религиозном воспитании в нашей средней школе. С. 405.

⁴⁰ Маккавейский Н. К. Проблема воспитания по Спенсеру // ТКДА. 1906. № 7–8. С. 620–623.

размышлений над педагогикой Г. Спенсера, придать «школе наук» христианский характер можно, включив в ее учебный план ряд эстетических учебных дисциплин: музыку, изобразительное искусство, литературу, в занятиями которыми главный акцент сделать на художественном переживании христианства. С одной стороны, пишет Н. Маккавейский, «чарующее обаяние красоты особенно сильно влияет в юные годы, когда сердца, склонные к идеализму, так легко воспламеняются ею». А с другой, «под влиянием идеальной красоты... низменные эгоистические склонности стушевываются... уступая место высоким порывам любви ко всем людям, ко всему миру». В таком настроении человек «с особенной легкостью приникает и к миру бесконечного, божественного, переживает состояние религиозного воодушевления». Для отечественной школы это оправдано как исторически, так и этико-психологически, если вспомнить о мотивах принятия Русью, по рассказу Нестора Летописца, христианства именно от Византии⁴¹. Понятно, что обращение жизни реальной школы к христианству через приобщение учащихся к художественному творчеству будет происходить естественнее.

Гораздо больше разнообразием воспитательных возможностей Н. Маккавейскому нравится классическое образование, энергия из трех «источников» которого — древних языков, античной литературы и культуры — питает как формальное, умственное, так и нравственное развитие. «Кто не увлекался героями истории? В чьей душе прошли бесследно прекрасные идеалы изящной литературы?... даже языки, в самом процессе изучения их, заключают немало элементов, влияющих и на нравственную сторону личности ученика и в частности — на его волю», — убежден мыслитель⁴². Однако Н. Маккавейский понимает: как бы классическая школа ни «вышколивала» ум, ни вырабатывала терпение и настойчивость, ни облагораживала чувства, по содержанию она остается языческой. А потому обучение в ней, как и в реальной школе, следует христианизировать. Учитывая гуманитарный характер классической гимназии, религиозные дисциплины здесь не будут восприниматься как чужеродные⁴³. В то же время христианизация русской классической школы не будет завершенной, если в ее программу не будет включено все то, в чем ярко выражалось христианское мировоззрение и самосознание русского народа — родной язык, литература, история, право, география, искусства⁴⁴.

⁴¹ Там же. 1909. № 10. С. 309–310.

⁴² Там же. № 12. С. 621. Его же: Современные педагогические блуждания. С. 597–601.

⁴³ Маккавейский Н. К. Английская школа. По поводу издания К. П. Победоносцева «Новая школа», М., 1898. К., 1890. С. 26.

⁴⁴ Маккавейский Н. К. Религия и народность как основы воспитания. С. 42–43. Его же: Современные педагогические блуждания. С. 606.

Какая же сила в состоянии произвести такие изменения в школе? Ответ для всех очевиден — учитель. Однако Н. Маккавейский и тут не желает поддаваться общим иллюзиям, как например протоиерей И. Соловьев, который считал, что стоит только призвать преподавателей не замалчивать на уроках религиозно-нравственный элемент своих наук, и в русской школе водворится дух христианства⁴⁵. Н. Маккавейский, между тем, видел в этом проблему. Если бы речь шла только о специальных богословских познаниях учителей, указывает он, то достаточно было бы предложить нужные книги тем, кто уже преподает, и ввести преподавание богословия для тех, кто еще готовится работать в школе. Однако, чтобы настроить образование на христианский лад, необходимы не только знания, но и глубокая религиозность, искренняя христианская вера учителя. И тут Н. Маккавейский вынужден констатировать, что в условиях, когда утилитарная направленность, практицизм господствуют в русском обществе, создать в школе идеальное религиозное настроение, которое разделяли бы все ее деятели — задача слишком трудная, если не сказать невозможная⁴⁶.

Кто же тогда должен взять на себя основное бремя христианизации школы? Н. Маккавейский полагает, что это должна сделать Церковь, но не административно-бюрократическим способом, забрав все учебные заведения под свое управление. Церковь должна придать школьному законоучителю статус пастыря, а государство — поддержать его авторитет⁴⁷. Это означает, что при каждой школе должен быть основан домовой храм, а преподаватель Закона Божия не только преподавать, но и совершать богослужения, быть духовным руководителем школьной христианской общинны. Пастырь, наблюдающий за развитием своих духовных чад, знающий их трудности и болезни, сумеет, уверен Н. Маккавейский, превратить Закон Божий из обычного учебного предмета, который заучивают так же, как и все остальные, в средство религиозного воспитания, приобщения к первоисточникам христианской веры — Священному Писанию, сочинениям святых отцов. Тем самым, надеется мыслитель, постепенно заполнится бездна между двумя противоположными лагерями российского общества — интеллигенцией и духовенством, а признаком образованности и интеллигентности в конце концов перестанут считать атеизм. Кроме того, богослужения в храме при школе объединили бы настоящей молитвенной связью ее учеников и учителей, включая их в Церковь согласно с православным догматом о ее сущности как духовном организме. И надо для этого не так уж и много, а именно — уравнять законоучителя в правах

⁴⁵ Маккавейский Н. К. К вопросу о религиозном воспитании в нашей средней школе. С. 396.

⁴⁶ Маккавейский Н. К. Современные педагогические блуждания. С. 601–602. Его же: К вопросу о религиозном воспитании в нашей средней школе. С. 409.

⁴⁷ Маккавейский Н. К. К вопросу о религиозном воспитании в нашей средней школе. С. 411–415.

с другими педагогами, платить ему за труды настоятельства, привлекать к обсуждению дел, относящихся к воспитательной деятельности школы, освободить от назойливой бюрократической опеки в преподавании Закона Божия, расширить, наконец, педагогический компонент в духовном образовании. Но все эти меры окажутся тщетными, если законоучитель сам не будет заботиться о своем авторитете в соответствии с требованиями христианской совести, поскольку единственное, что поставит его на должный уровень, есть его личные качества.

Таким образом, Н. Маккавейский предлагает, вопреки бюрократическим традициям Российской империи, положить в основу образовательной политики краеугольный камень свободы и отдать развитие школы ее собственным жизненным силам. В результате, прогнозирует мыслитель, перед обществом откроются многообещающие перспективы. Это и широкий выбор между образовательными средствами, соответственно склонностям и природным дарованиям детей, в разных типах школ. Это и разрешение проблемы национального образования, поскольку, настаивает он, только путем свободного проявления симпатий и стремлений общества можно выяснить собственные национальные черты⁴⁸. Но, конечно, такая политика требует осторожности, времени и терпения в ожидании результатов, как любая политика в области образования, что прекрасно, в отличие от большинства, понимает Н. Маккавейский.

Очевидно, что философско-педагогические идеи Н. Маккавейского не утратили актуальности и сегодня. Как и в начале XX в., перед православными духовными академиями стоит задача готовить не только церковных иерархов, богословов и ученых, но и педагогов-профессионалов, способных возродить и поднять на новый уровень и духовную школу, и приходскую жизнь. Вместе с тем, в условиях глубокого духовного кризиса по-современному звучат и принципы реформы образования, предложенные Н. Маккавейским, которые требуют не слепо повторять чужой опыт, а искать оптимальные способы реализации в школе собственного духовного и национального своеобразия. Плодотворной является и его идея поиска естественных путей христианизации разных типов школы, приобщения ее к жизни Церкви. Может быть, теоретический опыт Н. Маккавейского нельзя полностью применить в современной образовательной ситуации. Однако он ценен сегодня тем, что даёт образцы по-христиански мудрого и высокопрофессионального решения болезненных проблем образования, которые обычно в нашей стране находятся, увы, напрасно, устраниТЬ одним решительным ударом. Завершая повествование о Н. Маккавейском, следует упомянуть, что после него осталось не только педагогическое, но и богословское наследие. Что же принесут его исследования?

⁴⁸ Маккавейский Н. К. Современные педагогические блуждания. С. 588.